

Юна А. Етрогана

Ваду

Skleněný
mústek
2016

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

Часть 1

Гриффит

Кестер

Карен

Часть 2

Храбрая Анна

© Нина А. Строгая 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

© Иллюстрации - Марик Войцех

ISBN 978-80-7534-086-3

В АДУ

Часть 1

Гриффит

Кестер проснулся от того, что в лицо ему дышала и фыркала лошадь. Она нежно перебирала губами по его щеке, он слышал ее храп, чувствовал щекочущее прикосновение ворсинок мокрой морды и теплое дыхание. Кестер открыл глаза и увидел перед собой двух всадников. Один, по виду дворянин, примерно такого же, как он, Кестер, возраста, с надменным выражением лица, с черными, ниспадающими на плечи волосами, в отороченном мехом, сшитом из дорогой ткани гауне¹, казался знакомым. Второй, по всей вероятности, слуга, ничем особенным, как и полагается оному, не выделялся. Их лошади обступили Кестера с двух сторон, и то ли от того, что Кестер насквозь продрог, то ли от того, что всадники имели вид довольно неприветливый, он вжался в большой покрытый мхом валун, у которого... у которого не помнил, как оказался. Исподлобья, пытаясь унять дрожь, сотрясающую все тело, он вглядывался в лицо черноволосого господина и никак не мог вспомнить, где раньше встречался с ним.

– Кто такой? – спросил тот.

– Я Кестер, сын барона Харшли, – с трудом выговаривал слова Кестер.

– И откуда же ты взялся?

– Сбежал... сбежал из заключения...

Господин ухмыльнулся, помедлил мгновение, затем спрыгнул с лошади и подошел к Кестеру – чуть склонился и устремил взгляд прямо в его глаза. Не выдержав этого проникающего в само сознание взгляда, Кестер отвернулся, продолжая стучать зубами.

– Я бы попросил у тебя доказательств, но, верно, ты очень похож на барона, – заключил господин. – Думаю, теперь и мне необходимо представиться. Гриффит Да... – сказал он, протягивая руку в черной перчатке. Окончание фамилии Кестер не рас-

¹ Гаун – (англ.) – в 15-16 вв. мужская и женская выходная одежда в Англии.

слышал из-за налетевшего внезапно сильного порыва ветра, но переспрашивать не стал и, крепко сжав руку нового знакомого, неловко встал на ноги. Гриффит кивнул слуге, и тот, спешившись, подал Кестеру поводья и отступил, и исчез в застилавшем все вокруг тумане. С некоторой неуверенностью Кестер взобрался на лошадь, но как только оказался в седле, спина его выпрямилась, зубы перестали стучать, он ощутил прилив бодрости и легкий восторг.

— Я сам теперь гость твоего отца и был бы рад проводить тебя к нему, — улыбнулся Гриффит странной, немного пугающей хищной улыбкой.

— Нет, подожди... — прежде чем отправиться в отчий дом, Кестер хотел окончательно прийти в себя после долгой, тревожной ночи, проведенной в лесу. — Не знаешь ли ты, где здесь можно поесть и переночевать? Я бы хотел переодеться и... — Кестер осекся, ибо у него вдруг возникло еще одно желание, которое, однако, он, спустя мгновение, без особого труда подавил и посему не стал озвучивать Гриффиту.

— Есть неподалеку одно место, — ответил тот, и улыбка не сходила с его лица. — Оно не в ваших владениях, зато близко, и там, вероятно, нас уже ждет ужин...

Будучи еще несколько минут назад густым и плотным, похитивший и так и не вернувший слугу Гриффита туман совершенно рассеялся, и Кестер увидел дорогу, уходящую вглубь темного, дремучего леса, из которого он, измученный, выполз, упал затем и уснул, и когда Гриффит галопом направил коня в чащу, Кестер последовал за ним.

По дороге Гриффит поведал Кестеру о том, что старый барон Харшли, вернувшись в его — Гриффита — сопровождении с войны, страдает от серьезных ранений и вряд ли протянет до зимы. И о том, что за многочисленные заслуги перед герцогом отец Кестера пожалован новыми землями, что, впрочем, уже мало его заботит по причине плачевного состояния здоровья.

Несмотря на долгую разлуку с отцом, Кестер слушал Гриффита с интересом, относящимся более не к истории, а к самому рассказчику. Лицо Гриффита с этой неизменной хищной улыб-

кой, его жесткий пронизывающий взгляд, тихий, сдержанный, лишенный всякой доброжелательной интонации голос настораживали Кестера, но в то же время притягивали какой-то магической силой. С нескрываемым восхищением наблюдал он спокойствие, достоинство и силу в каждом жесте Гриффита. Он также ощущал присутствие чего-то родного и близкого в этом красивом, молодом человеке. Ему казалось, что он давно, давно знает Гриффита, и чувство глубокой симпатии, так внезапно возникшее, так стремительно укоренявшееся в нем, гнало прочь тревогу, и Кестер думал, что хотел бы такого друга, хотел бы такого брата...

Кестер думал еще и о том, что Гриффиту, вероятно, интересно будет узнать что-то и о нем самом, но вот с чего начать повествование, никак не мог решить. То ли с того момента, как он был отправлен на обучение к родственнику, – довольно приближенной Его Высочеству особе, – в самых лучших словах о самых лучших годах жизни, что проходили в постижении искусства воинского дела, на турнирах, соколиных охотах; о посвящении в рыцари, о первом поэтическом посвящении прекрасной даме. О первом своем сражении. То ли с того, как, будучи уже опытным, храбрым воином, он вместе с младшими братьями, которых на его глазах одного за другим пронзали стрелы неприятеля, пытался выбраться из окружения, но без сознания – тяжело раненным в неравном бою – был пленен вражеским войском. В какой-то момент Кестер услышал собственный охрипший голос и понял, что уже рассказывает Гриффиту свою печальную историю.

– И очнулся я уже в их логове. Поначалу ко мне хорошо относились – вылечили рану на плече... – Кестер дотронулся до места ранения, – хорошо кормили, я мог выходить... Они относились ко мне с подобающим моему происхождению уважением, пока... пока ждали выкупа. Но потом... – Кестер вдруг замолчал и задумался. Он вспоминал период заключения, и снова дрожь охватывала его целиком. Выкупа так и не последовало, как объяснили тогда Кестеру, из-за того, что отец отрекся от него. *«Кестер никогда не сдался бы в плен, он погиб, как герой и похоронен вместе со своими братьями, со всеми причитающимися ему почестями. И я не собираюсь платить за самозванца, порочащего память моего любимого сына»*, – звучало в послании барона Харшли. После этой новости Кестер почувствовал себя так, словно в нем разверзлась пропасть и душа вот-вот покинет его – на

мгновение он потерял способность слышать, видеть и говорить, и с трудом держался на ногах, но тут же, собрав остатки воли своей и уповав на волю Божию, выпрямился и вскинул поникшую было голову, готовый немедленно принять смерть. Однако у графа, пленившего Кестера, были другие планы в отношении узника. И его – дворянина, гордого рыцаря – превратили в раба, дабы перед смертью он смог отработать оказанное его ложной персоне чрезмерное внимание и хлеб, которым его потчевали в ожидании выкупа. Кестера отправили на самые тяжелые и грязные работы, где постоянно унижали и где даже за самую малую провинность подвергали суровым наказаниям. Ах, если бы он мог тогда драться, если бы мог отстаивать свою честь благородно, как делал это в бою с равными себе! Но не было у него ни сил, ни оружия, ни власти!

Кестер вспоминал, как, не в состоянии более терпеть унижения, решил покончить с собой – другого способа прекратить мучительное существование у него не было. Однако это его решение положило начало новым, еще худшим испытаниям. Кестер почти уже осуществил задуманное, как вдруг в то самое стойло, где он затягивал на шее веревку, ворвался разъяренный конюх – огромных размеров, неимоверно грубый и жестокий человек. Он выбил из-под ног Кестера деревянную скамью, и тот какое-то время, хрипя и извиваясь, болтался в петле. Затем конюх освободил несчастного, но только лишь для того, чтобы избить до полусмерти – так, что Кестер несколько дней не имел возможности пошевелить ни рукой, ни ногой от дикой боли, которая распространилась по всему телу и пульсировала теперь в каждой косточке, в каждой мышце, в каждом нерве. Он лежал на холодном земляном полу, выплевывая сгустки крови и обломки зубов, ощущая, как под ним растекается теплая зловонная жижа. Нет, никогда в жизни Кестер не смог бы поделиться этим с Гриффитом, да и с кем-либо в целом мире.

После того, как Кестер все-таки встал на ноги, он был уже не тем Кестером, а был он жалким, волочащим ноги калекой. И то время виделось ему словно сквозь мутную пленку из бычьего пузыря, коей в деревенских домах затягивали окна. Он и сам тогда стал практически невидимым, и не только для других, но в первую очередь для себя самого. Боль его и стыд были настолько невыносимы, что едва-едва не уничтожили его рассудок – Кестер

совсем перестал ощущать себя в реальном мире, и тот в свою очередь ответил ему взаимностью. Да, бедняга все так же чистил стойла, все так же смазывал маслом копыта лошадей, но никто уже не приставал к нему, не мучил его, поскольку он и так был доведен до состояния крайнего, пограничного, и нужно было просто подождать немного, пока бы он сам не отбросил концы.

Таким образом следить за ним перестали и уже больше не сажали на цепь, как раньше. И в один холодный, пасмурный день, когда в замке намечались празднования по случаю свадьбы хозяйина, и челядь носилась взад и вперед, выполняя различные его поручения, Кестер покинул замок никем не замеченный. Он сделал это ненамеренно, по наитию, повинаясь странному чувству, как будто голосу или флейте, что поет волшебную песню. Кестер не помнил, как вышел за ворота замка и медленно двинулся туда, куда глядели его исполненные тоски и страдания глаза...

Проведя в пути много дней, спотыкаясь от усталости и голода, Кестер добрел до крестьянского дома, расположенного недалеко от глухого, дремучего леса. У ворот он заметил фермера и решил попросить кусок хлеба, ибо живот его будто пронзали кинжалом. Фермер, в сущности, не был человеком, лишенным сострадания, но, к несчастью для Кестера, в тот день у него случилась беда: от какой-то неизвестной напасти погибли все его овцы, посему им незамедлительно овладели и страх и трепет, ведь теперь он не знал, чем будет кормить свою семью и платить налоги. А тут еще этот жалкий оборванец требует от него помощи и смотрит, смотрит на него с такой мольбой. Фермер брезгливо отпихнул Кестера и отвернулся. Кестер не сдавался – и когда фермер увидел, что запястье его сжимают тощие, костлявые пальцы, пред мысленным взором его возникли такие жуткие картины, что он чуть было не закричал. И тогда он схватил Кестера за локоть и потащил в сторону леса. Там фермер что было мочи толкнул беднягу в густые заросли, и Кестер упал и даже не пытался встать, и только неотрывно, с безысходным отчаянием глядел на удаляющуюся фигуру. Внезапно Кестер почувствовал, как раскаленная игла вонзилась ему в бедро, а затем последовал еще один болезненный укол, и еще, и еще, казалось, сотня таких же...

Целый осиный рой мстил Кестеру за свое раздавленное гнездо, и Кестер не помнил, как выбрался из этого жужжащего адского облака, не помнил, как оказался у ручья и, жадно глотая

ртом воздух, пытался зачерпнуть воды в ладонь, чтобы хоть немного охладить тот жар и зуд, коими объят был весь его организм. Жар сменялся ознобом, судорогами сводило конечности, а к горлу подкатывала тошнота. В какой-то момент Кестер подумал, что умирает. «Господи, – онемевшими губами прошептал он, – за что? За что же ты так мучаешь меня? И сколько еще будет продолжаться эта мука? Умоляю, избавь... убей меня, ибо я не могу больше так страдать», – и в ту же секунду потерял сознание...

Очнулся несчастный вечером, в сгущающихся сумерках, по-прежнему охваченный болью и дрожью. Внезапно он услышал шорох и легкий треск веток и подумал, что, должно быть, какое-то хищное животное подбирается к нему, ведомое охотничьим инстинктом. Кестер повернул голову и устремил свой взгляд в том направлении, откуда нечто неосоздаемое вот-вот должно было облечься в медведя или волка, но вместо этого из темноты появился человек или кто-то похожий на одного. Как ни пытался, Кестер не мог разглядеть его лица. Он видел лишь высокий силуэт, фигуру, полностью скрытую плащом. Остановившись в нескольких метрах от Кестера, Темная Личность заговорила глухим мужским голосом.

– Зачем ты звал меня? – спросил она.

– Я не звал тебя, – прошептал Кестер, памятуя о том, что не обращался к кому-нибудь кроме Господа, на которого, по его представлениям, странная фигура совершенно не походила. И тут же подумал: «Быть может, в бреду?»

– Да, да, именно в бреду ты и звал меня, Кестер, – читая его мысли, ответствовала Темная Личность.

– Может быть, если ты поможешь мне избавиться от боли, если поможешь умереть быстро, кем бы ты ни был, я буду, я буду очень... и я...

– Да, это в моей власти, – перебила его Темная Личность. – Но, Кестер, – и сделала паузу, – подумай, действительно ли так страшна твоя боль? Настолько ли велико отчаяние? Уверю тебя, случаются испытания и похуже. Быть может, ты хочешь оставить все как есть? Терпеть и ждать?

Кестер замотал головой.